
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

Афанасий — готовится в путь — проверяет запасы,
собачьи упряжки, конскую сбрую, лук и стрелы.
Глядит на Пульхерию тепло и участливо,
гладит ей волосы — с запахом белой омелы —
у большого окна, за которым уже облетает октябрь.
Пульхерия — собирает мужа в дорогу —
подает ему чистый кафтан — держит кафтан, словно дитя,
отдаваемое на милость Богу.

— Афанасий, — говорит Пульхерия.
— За морем — такие песни, такие травы, такие птицы.
Принеси мне немного этого легковерия
на блюде заморском — цвета синего ситца —
в руке, огрубевшей от ветра и океанской соли.
Принеси мне благоухание иной, заповедной природы
на крыльях плаща, под которым вздыхают, как совы,
твои строгие хвойные чащи, где тропу нахожу год от года
все увереннее, не боясь медведей мужского сердца.
— Пульхерия, — говорит Афанасий.
— Дальний путь предстоит — вот и солнце вспорхнуло с насеста —
стало добрым знамением. Себя мечом опоясав,
отправляюсь в дорогу. Принесу тебе дивное диво —
исхожу полсвета и назову твоим именем землю —
и море, и небо, и птицу в ветвях иноземной ивы —
а вернусь — будет память о том самом пьяным зельем.

То шел Афанасий, то плыл, то скакал верхом —
проникал в чрево мира, продирался сквозь его космы
и колтуны. Двигался — то диким полем, то быстрой рекой,
а над ним — простирался зодиакальный космос
в искристой золе путеводных звезд.
— Пульхерия, — мысленно говорит Афанасий.
— Я так далеко от тебя, что кажется, будто Земля потеряла ось
и крутится дальше без толку и без внутреннего согласия.

Андрей Дмитриев — редактор отдела экономики газеты «Земля нижегородская». Публиковался в газетах в журналах «Нева», «Гвидеон», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные задворки», «Европейская словесность», «Нижний Новгород» и других. Лауреат премии имени Бориса Пильника (2010). Шорт-лист XIV Открытого Международного Волошинского конкурса (2016), шорт-лист IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря-2014», дипломант межрегионального конкурса «Наймалы» (2014) и международного конкурса «Мирсконца-2015», проводимых музеем В. Хлебникова в Астрахани, лонг-лист международного интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2015».

— Афанасий, — мысленно отвечает Пульхерия.
— У нас тут дожди, а мне кажется, то — мои слезы.
Пусть обойдут тебя стороной кровожадные звери,
пусть минуют болезни, пусть щадят жара и морозы.
Каждый день — выхожу на дорогу и смотрю, не идешь ли ты —
живой-невредимый, а вижу только макушки елей,
качающиеся на ветру в дымке сгущающейся темноты,
к которой глаза привыкают еле-еле.

Афанасий вернулся спустя три года —
зажег в тихой горнице свет, посмотрел на Пульхерию,
взял ладонь ее в руки — дубленные холодом,
коснулся ладони губами, что обветрены лютым севером.
— Пульхерия, — говорит Афанасий.
— Я вернулся, увидев весь многоликий мир.
На руках своих я принес тебе запахи моря и нереально прекрасных
нездешних растений — возьми.
— Афанасий, — отвечает ему Пульхерия.
— Все эти годы я видела дивный сон,
как идешь ты по берегу, в который трудно поверить,
и зовешь его моим именем. Возшла тысяча солнц —
и вот я проснулась, а ты все повторяешь: Пульхерия.
Сойди же на берег, сойди наконец-то на берег,
на обетованный свой берег...

* * *

Мы любим весь этот мир —
всю его пунктуацию и фонетику,
весь его кориандр и тмин,
весь его быстрый бульон из пакетика.
Крановщик видит из башни платоновский котлован —
заметенный первым, но яростным снегом,
но и он влюблен в эти недостроенные слова,
сказанные искренним человеком
при попытке к бегству. Крановщик — пишет стихи
в блокнотик, подаренный представителем банка
при оформлении очередного кредита. Стихи — что-то вроде «апчхи».
Из башни крана видно, как роет собака
мерзлую землю в надежде найти вожделенный мосёл,
прикопанный прошлым летом. Рифма «кровь-любовь» —
вращает старое колесо,
под которым земля бьется в нас покрытым асфальтом лбом.
Однако тут все по-честному — рубит сплеча душа.
Бывает, прочтет Катерине, а та — впечатлительная егоза —
распахнет навстречу свои большие глаза
и выдохнет: как же строчка последняя хороша.

Мир этот — вместителен — в нем урожай стрекоз
пополняет восторженные закрома.
В июле на даче сидит Иван — влекомый рекой —
и снасти готовит, рассчитывая не меньше, чем на сома.
И планета по форме — плод, и дыхание — пар земли,
и сам Иван — зеленый побег.
Речная вода — блестит на мели
и ждет, что придет человек.

Даже сейчас — когда все вянет и чахнет —
есть импульс жизни — в чтении по слогам.
Открываются чакры —
и вряд ли по пустякам...

* * *

Город всплывает со дна —
вот уже показались мачты и крыши,
и в одном из окон она шепчет «да»
так, что весь космос слышит.
Вот показались извилины —
будто бы строгий ум —
на деле — лишь закоулки. Сколько же вылили
сюда кубометров воды прежде. Шум
возрождает традиции трасс.
Мокрый асфальт — нечему больше всплывать —
и выносит потоком нас
на пешеходные острова
безопасности. Здесь недавно ходили рыбы.
Вот — следы чешуи в черном желобе
тротуара, вдоль которого рифы
хранят обломки судов, не отвечая, как прежде, на жалобы...

Город всплывает со дна —
по перископ, по рубку, по ватерлинию.
Мы сами так часто ныряли сюда,
что это и наше усилие.

* * *

Он играл на губной гармошке у входа в метро —
мог на шарманке, но проблемы с транспортировкой —
габариты шарманки не позволяют быть свободным и ловким
в тесном автобусе или вагоне — да и, в общем-то, это — старо.
Выдувал и вновь набирал воздух в легкие —
собачьи вальсы — и иные гудки внутреннего тепловоза,

что на полном ходу прошел полустанок вчерашней прозы.
Гуляли кисти, вздрагивали локти.

Монеты — в шляпе — пешеходный жест
случайной вежливости. В переходе — ошутим сквозняк,
ведь и на этом импровизированном рубеже —
воздух еще не иссяк.
Игра в подземке — как ужение карася.
«Семь сорок», — просит седой и сутулый Исаак,
в кармане мелочи поискав.

* * *

— А вы правда волшебник? —
спрашивает мальчик у доктора
в белом халате, что занят оценкой ущерба,
нанесенного гриппом, сидя вполразворота
к детскому торсу и прикладывая стетоскоп
к тощей груди. Доктор — шурит зеленый глаз
в линзе очков и отвечает тихо — чтоб
придать моменту таинственность: да-с,
молодой человек — именно так,
можешь считать, что я — добрый маг,
дыши, а теперь — не дыши,
покажи язык, раскрой-ка пошире рот —
ну вот —
шансы твои хороши...

А за окном — холодало, день становился короче.
Все сморщилось в серый комок — покатилося прочь.
И мальчику было понятно, что этот сбивчивый почерк
в желтеющем бланке — заклинание, которое в силах помочь
конкретно ему — такому худому и незащитному.
Ведь даже папа шутит: мальчик-с-пальчик.
И он, видимо, любит сказки. «Дыши, а теперь — не дыши» — кому
удалось не дышать всех дольше? Летом — на даче —
нырял в неглубоком пруду и тоже останавливал диафрагму,
но надолго не получалось — связь с небом и с воздухом
велела вернуться — всплыть и вобрать мощной тягой
насушный глоток кислорода — с рыбьим возгласом
обретения мира. Доктор — закончил писать на бумаге
и отдал ее маме. Мама — сказала «большое спасибо!» и мягко
взяла сына за руку, направившись к выходу, а у мага —
появилась улыбка — похожая на робкий рассвет.
— А вы правда, вы в самом деле волшебник? —
спросил снова мальчик, но не расслышал за дверью ответ —
мама спешит — ей не до чудес совершенно...

* * *

— Не будем о смерти — ее всегда слишком много, —
сказала старушка соседке на скамеечке у подъезда.
— Каждый год в это время я вспоминаю проселочную дорогу —
раскисшую в зябкой грязи, обрамленную рамками полууголого леса,
а там — вдалеке — клочок у земли отвоеванной жизни —
избы, зовущие криком черных квадратов,
и надо идти маленькими ногами по этой разверзшейся жиже,
беря кое-как в охапку младшего брата.
Мне кажется, будто иду до сих пор —
вязнет сапог, и всхлипывает вода,
как провинившийся в чем-то ребенок — уже вижу забор
крайнего дома, но дойти не получится никогда.

Соседка молчит — у соседки не сварен суп,
не куплены крупы и соль, не оплачен счет за квартиру,
но она вспоминает маленькую стрекозу,
засохшую между оконных рам в каком-то далеком-далеком мире —
мумия лета ушедшего все еще носит крылья,
хоть и бессильные, и веснушчатой девочке
это кажется просто глубоким сном. Ну вот и поговорили.
Старушки встают с ими любимой скамеечки.